

В д. Камень Лепельского района до войны мирно жили и работали вместе с белорусами евреи. После оккупации Лепельского района фашисты не стали создавать здесь гетто. Однако, 17 сентября 1941 года захватчики собрали еврейскую часть населения д. Камень Лепельского района и вывезли их в урочище Борки, где и расстреляли 177 человек: мужчин, женщин и детей [2].

Заключение. Таким образом, еврейское население Лепельщины, как и других регионов Беларуси, подверглось геноциду со стороны немецко-фашистских захватчиков. Во время оккупационного режима на территории Лепельского района было уничтожено около 2700 человек еврейской национальности.

1. Винница, Г.Р. Горечь и боль / Г.Р. Винница. – Орша: 1998. – 48 с.
2. Гребень, Е.А. Судебная система на Лепельщине в годы нацистской оккупации (1942–1944 гг.) / Е.А. Гребень // III Лепельскія чытанні: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, 10 кастрычніка 2008 г. Лепель, Лепельскі раённы краязнаўчы музей, 2008 г. С. 89.
3. Памяць: Лепельскі раён. – Мн., 1999. – С. 183.

БЕСТИАРНЫЕ СБОРНИКИ В СИСТЕМЕ ИДЕЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Правилова Д.Д.,

студентка 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Яковлева Г.Н., канд. ист. наук, доцент

Одним из воплощений средневековой семиотики цвета становятся бестиарии (от латинского слова «bestia» – «дикий зверь») – трактаты о животных, вместившие в себя внушительную часть загадок мировоззрения столь далекой нам эпохи, они выступают пристанью тайн и мистерий средневекового мира. Читаясь как текст, изображения несли в себе весть о чем-то важном, превращаясь в средство коммуникации для средневекового общества. Окрашенные в символизм цвета они – словно замкнутое пространство без ключа, попав в которое, мы получаем возможность отыскать шифр к раскодировке средневекового мира идей.

Цель исследования – раскрыть значение бестиарных сборников как особой системы коммуникации западноевропейского общества эпохи Высокого Средневековья.

Материал и методы. Основу научной работы составили средневековые Бестиарные сборники (Абердинский Бестиарий конца XII в., Моргановский бестиарий начала XII в., Рочестерский бестиарий начала XIII в), трактат Блаженного Августина «О граде Божьем». Были использованы методы системно-структурного анализа, описания, обобщения.

Результаты и их обсуждение. Человек средневековья находился в семиотически напитанном мире, полном метафоричных отражений и высших истин, проявлений Бога в вещах, в природе, которая постоянно говорила на особом символическом языке, он окружал себя совершенно неповторимыми по своему восприятию существами, что попадались повсюду: от завораживающих фигур на готических соборах, крошечных узоров на изысканном текстиле до средневековых бестиариев [1]. Изображенные на основных иллюстрациях или скрывающиеся на полях чудовища – аллегорическая игра образного средневекового мышления. То был мир, в коем правил «язык вещей» – универсальная семиотическая система, понятная всем членам средневекового социума. Сам Бог говорил на «языке вещей», этим языком была написана Библия.

Блаженный Августин в своем трактате «О граде Божьем» отмечал: «Творец всех Бог, который сам знает где, когда и что надлежит или надлежало сотворить, ведая, сходством или несходством каких частей он образует красоту целого; тот же, кто окинуть взором целого не может, поражается кажущимся безобразием части; потому

что не знает, с чем она сообразована и к чему относится» [2, с.123]. Он также противопоставляет «красноречию слов» «красноречие вещей», посредством которого и образуется «красота мира»: «Мир (вот, весь Космос) устроен словно прекрасная речь, и в этой речи самая превосходнейшая фигура – антитеза. Взаимное сопоставление противоположностей придает красоте речи, так из сопоставления противоположностей, из своего рода красноречия не слов, а вещей, образуется красота мира [2, с. 357]. Как и язык Бога, основа «средневекового интерьера идей» также строится из противоположностей: Бога и Дьявола, праведников и грешников, добра и зла. Каждая вещь здесь имеет свое значение. В стихах поэта XII века Алана Лилльского: «Все земные твари мира, подобно книгам или картинам, являются нашим отражением. И точным отпечатком нашей жизни, нашей смерти, нашего положения, нашего удела. Мы подобны розе, в ней – подлинный образ нашей жизни и ее урок. Ибо на заре она расцветает, а в пору вечерней старости с распутившегося бутона опадают листья» [Цит. по: 4, с. 6]. Средневековая система значений вещей получает выход в практических текстах – бестиариях, появляющихся в огромном количестве в XII–XIII веках. Описывая существ земных и ирреальных, они указывают на их символический смысл, подкрепляя миниатюры духовными предупреждениями. Здесь леопард был не просто леопардом, а василиск таким же реальным, что и леопард, ибо соотносился с высшей истиной. Здесь одна вещь (изображаемое живое существо) означает другую вещь (идею). Через визуальные образы животных Средневековье рассказывало и отвечало на вопросы, тем самым вырисовывая определенную модель общественного поведения. Бестиарии рассказывают, что Бог, лишая ящерицу зрения, таким образом наказывает ее за грехи. Тогда Ящерица двигается на Восток, навстречу восходящему солнцу, что быстро сжигает пелену на ее глазах, и к ней возвращается зрение [3, с. 34]. Солнечный свет есть Господь, прощающий ее грехи. Он также надежда на Спасение, что пронизывает все Страдающее Средневековье.

Животное здесь – и добродетель, и порок. Соединяя в себе противоположные начала, оно стирает границу меж Богом и Дьяволом. Система построения бестиария двухуровневая: в первой части сборника через призму выдумки и аллегории описываются внешний вид и повадки зверя. Вторая часть бестиария – семиотическая, где следует объяснение смысла каждого животного. Две части тесно переплетаются между собой. Вот фрагмент, что повествует об этологии льва: «Первое: лев всегда спит с открытыми глазами. Второе: когда лев идет, он хвостом замечает за собой следы, чтобы охотники его не поймали. Третье: маленькие львята рождаются мертвыми; на третий день к ним приходит отец-лев, он дует им в лицо, тем самым их оживляет» [3, с. 30]. Лев, царь всех зверей, в равной степени может быть символом Иисуса Христа, унаследовав от него свое мужество, но также своим свирепством, своей агрессией означать Дьявола. Положение Дьявола столь изменно, что о нем говорится лишь с помощью тех скверных черт, которыми наделяются животные. Бестиарии повествуя о многоликости и вездесущности Дьявола, предостерегают средневековый мир, что находится в вечном противостоянии добра и зла.

Сила изображаемого усиливается смысловой нагрузкой цвета. Излюбленными цветами становятся оттенки чистые, основные: синие, красные, зеленые и золотые оттенки. Негативная характеристика изображаемых существ дорисовывается с помощью черных, серых, коричневых, зеленых и красных, как цвет адского пламени, красок. Например, гадюки, аспиды, василиски, лягушки, сирены и драконы традиционно окрашиваются в зеленый цвет, что и их дурной нрав и зловердная сущность. С XII века в него окрашиваются все изображения Дьявола, что еще больше усиливает негативный смысл зеленого. В благородные синий, белый и золотой раскрашиваются животные, что несут в себе положительную символику.

Заключение. Средневековые bestiarii, соединив в себе божественное и мирское, реальное и вымышленное, явили собой совершенно уникальную систему коммуникации средневекового общества, построенную на аллегорично-метафоричном фундаменте, скрепленном символикой дуализма и многозначности. Конкретных образов здесь было недостаточно, требовались способы гораздо более тонкие, чем готовые слова. «Язык вещей» (язык Бога) через визуальный облик животных становится транслятором религиозной догмы, тем самым выстраивая определенную модель поведения средневекового общества. Наделенный определенной знаковостью цвет упрощает процесс считываемой информации, становясь ключом к изображениям в bestiарных сборниках.

1. Загадочные животные в средневековом искусстве: Тайные символы в иллюстрированных рукописях и манускриптах. Режим доступа: <https://kulturologia.ru/blogs/130222/52530/>. – Дата доступа: 20.02.2022.
2. Блаженный, Августин. Творения: в 4 т. / Августин Блаженный. – Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс, 1998. – Т. 3. – 595 с.
3. Уайт, Теренс Хэнбери. Средневековый bestiarii. Что думали наши предки об окружающем их мире / Теренс Хэнбери Уайт. – Москва: Центрполиграф, 2013. – 320 с.
4. Эко, Умберто. Эволюция средневековой эстетики / Умберто Эко. – Санкт-Петербург: АЛЕТЕЙЯ, 2004. – 288 с.

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В КОСТЮМЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЦИУМА

Правилова Д.Д.,

студентка 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Яковлева Г.Н., канд. ист. наук, доцент

Традиционно выполняя утилитарную и эстетическую функцию, костюм средневекового индивида закрепляет за собой функцию гораздо более значимую – социально-статусную. Заручившись поддержкой цвета, средневековый костюм разделит все средневековое общество на сословия. Теперь статус владельца можно определить качеством ткани, драгоценностью отделки и украшением одежды, но в первую очередь – ее цветом. Символика цвета определяет властные полномочия, социальное положение и профессию человека Средневековья.

Цель исследования – раскрыть значение цвета в костюме как социального маркера западноевропейского общества Высокого Средневековья.

Материал и методы. Источником для написания научной статьи послужил трактат Бартоло ди Сассоферато «О знаках и гербах». Были использованы методы системно-структурного анализа, описания, обобщения.

Результаты и их обсуждение. В V в. роскошь и изящество Римской империи сметает примитивность и грубость варварских народов. Однако тьма не будет в моде вечно. На заре XII в. простые ткани раннего Средневековья отступят под напором роскоши арабского мира. Кричащие цвета затмевает магия утонченных оттенков на палитре красильщиков Восточных базаров.

Так, в XII в. некогда маргинальный синий цвет, став цветом одеяния Девы Марии, получает особенный статус в цветовой иерархии [1, с. 46]. Теперь синий – верность, постоянство, надежда и терпение, а также печаль. Благодаря Людовику VI, избравшему этот цвет, дабы подчеркнуть статус аскезы, синий цвет завоюет статус «королевского» [1, с. 50]. Вслед за королями, начиная с XIII в., в синий облачатся вся привилегированная часть общества, а затем и нобилитет всего христианского Запада. С XIV в. в него также оденутся рыцари [1, с. 52].

Пурпур и золото являлись цветами церемониальных и парадных одежд [4, с. 52]. Цвета, разделенные еще в эпоху первых Каролингов на достойные и недостойные, позволяли облачаться знатым сословиям в зеленое, синее, красное. Низшим сословиям была предписана одежда черного и серого цвета [4, с. 53].